

...Потом многие утверждали, что видели, с чего всё началось. И у каждого была своя версия, неукоснительно идущая вразрез с другими. Сходились рассказы только в одном: беспорядки на станции вспыхнули слишком быстро. Настолько быстро, что поверить в их неорганизованность без согласования чьего-либо плана было невозможно.

Кто-то утверждал, что началось всё ещё во время пред-финального перерыва, кто-то, что с момента начала праздника. Некоторые говорили, что сами выбывшие участники напали на охрану станции, но находились и свидетели, шёпотом убеждавшие, что беспорядки устроили туристы, которые после не могли вспомнить причин своего поведения. Мнения перетекали от массового гипноза до психоделических смесей. От заговоров участников до плана правящих кругов станции. Некоторые верили, что это просто неудачное стечение обстоятельств, а другие думали, что каждая из версий правдива и каждая повлияла на события дня финального боя «Ню Нова».

Все мнения сходились только в одном: не стоило объявлять турнир, где собираются головорезы и преступники, зоной свободной от преследования законом.

На целые сутки одной из главных новостей вирт-сети стало событие, получившее название «буря новых волн». И не смотря на старания администрации, некоторые видеофайлы-таки попали за пределы станции.

«Охрана сдерживает толпы зрителей...»

«Бойня между участниками...»

«Праздничный фестиваль превращается в паническое бегство...»

«Участники захватывают порт отбытия...»

«Протокол защиты тушит людское пламя...»

«Офицер нобилити против тридцати участников. Жесть...»

Вскоре трансляция этого материала была запрещена на основе возрастных ограничений (хотя все знали, что дело тут в стараниях ассоциации сохранить свой имидж), а в мире хватало и других новостей, чтобы об этом инциденте забыли довольно быстро.

Но ввиду событий, последовавших за финальным боем, трансляция самого боя была затеряна среди новостных архивов и не дошла почти ни до одного зрителя за пределами «Ребелентис»...

— Ума, проснись. Ума, ты меня слышишь? Просыпайся...

«Чей это голос не даёт остаться в мире без боли и суматошной навязчивости из обязанностей и нужд?»

— Через пять минуток, мамочка, — сонно бормочет юноша и отворачивается к стенке.

— Хватит придуриваться, тебе уже давно за двадцать, — монах наконец-то узнаёт голос горе-доктора, — вставай, или женщина пострашнее твоей мамочки узнает, что ты проспал выпускной экзамен.

— Не хочууууу, мне нездоровится.

— Было бы странно, если бы здоровилось, — врач делает инъекцию, — но теперь ты не заснёшь: в тебе сейчас доза адреналина достаточная, чтобы осеменить весь гарем Хан-Ханыча.

Ума, наконец, садится, окидывая замутнённым взглядом окружение, и делает глубокий вдох.

— Часа два боли ты чувствовать не будешь, — меж тем продолжает Док, — соберись, твой противник уже заждался.

Монах выдыхает: «...и бессмертие грядёт лишь в душах наших, неизведанных и непонятных, и сила в них сокрыта, способная изменить само мироздание».

— Я не успел прижечь все раны, так что будь готов, что они откроются...

Вдох — живот раздувается, принимая в себя очередную порцию кислорода, снимая напряжение с лёгких и сердца.

— Если ты проиграешь — Тесса меня убьёт... может даже насовсем, но если ты умрёшь — это убьёт её...

Выдох — и что-то внутри разгорается из угольков былой воли, рождая бутон пламени, раскрывающийся лепесток за лепестком и превращаясь в розу предельного желания, захватывающего всё тело.

— Не смей умирать, особенно из-за такой мелочи...

Вот оно — вязкий жар силы бежит по венам вместе с кровью, сердце не слушается и набирает разгон, раны начинают пульсировать на грани жжения.

— Эй, ты меня слышишь? Ума?

— Я в порядке, — шепчет одними губами финалист, — хотя, вру, конечно.

Юноша облизывает засохшие губы и улыбается с нотками вожделения, змеиной жестокой улыбкой хищника. Врач на секунду отпрянул, будто увидел перед собой не того, кого ожидал, но тут же взял себя в руки:

— Ума? У тебя раны кровоточат, — и вправду: био-пластыри на руке и над бровью неуклонно приобретали красный цвет.

— Ничего, — томно отвечает Ума, — веди меня к нему: меня так раздражил офицер, что мне просто необходимо утолить жажду. Сейчас.

— Пойдём. — Пытаясь скрыть нотки страха, сухо говорит Док, и дверь здоровота за его спиной раскрывается...

Один из зрителей на трибунах не мог найти себе места. Его летучая обезьянка, что носилась по закрытой VIP-трибуне, внезапно исчезла. Клиент был достаточно богат, чтобы по его требованию половина охраны поднялась на ноги, но до того, как потребовалось вызывать поисковый наряд, зритель услышал вопли своего питомца: с паническими нотками в голосе, будто её преследовало что-то ужасное, обезьяна вырвалась из вентиляции.

Питомец не мог успокоиться: он метался из угла в угол, врезаясь в прозрачные стены и двери.

Примат даже умудрился поцарапать своего хозяина. Это лишило владельца последней капли терпения, и ошейник автоматически ввёл в летуна порцию успокоительного. Обезьянка без сил рухнула на пол. Но до того как уснуть, питомец продолжал с ужасом коситься на вентиляцию...

— ДАМЫ И ГОСПОДА!!! Прося прощения за задержку, я, наконец, рад объявить вам, что, воздавая должное вашему терпению, финальный поединок состоится с минуты на минуту! — комментатор делает паузу, чтобы заскучавшие трибуны переварили его слова, окружая арену тысячами обсуждающих новость голосов. — Участник Ума Алактум прибыл, чтобы выяснить в последнем поединке турнира: кто же заслуживает звание чемпиона «Но Нова»!

Кто-то кричит, кто-то улюлюкает, кто-то вяло аплодирует.

— А я напоминаю, что победитель турнира получает денежное вознаграждение в размере трёхсот тысяч юкоинов, личный стелс-корабль новой модели ИУ-100S, с возможностью размещения команды до десяти человек! И, самое главное, победитель автоматически получает пропуск на шестой уровень Синтраж! Вдобавок, чемпион получит пять транзитных билетов и сможет взять с собой на шестой уровень пятерых, по его мнению, достойных называться «идущими»!!!

Зрители распыляются всё больше и больше, спеша сделать ставки по всевозможным категориям, и комментатор удовлетворённо ухмыляется:

— Правила поединка просты! Проигрывает тот, кто сдастся, не сможет продолжать поединок или упадёт за пределы ринга! Время не ограничено! Разрешается использовать оружие не выше D-ранга! Что ж, дамы и господа, поддержим наших финалистов!

Трибуны готовы, трибуны ждут, и не важно, ждут ли они главного зрелища турнира или последующего за тем фестиваля пьянства и разврата.

— Позвольте представить! Фаворит «Ню Нова», человек, не знавший равного соперника на протяжении всего турнира! Наёмник из дуэта «Братья Лехц», ФИН ЛЕХЦ собственной персоной!!!

Овации оглушают ведущего, а крики поддержки вынуждают улыбнуться появившегося перед зрителем мутанта. И остаётся только удивляться, как ринг в водовороте человеческих эмоций и ожиданий продолжает неподвижно висеть в центре арены, окружённый угнетающе огромными и шумными трибунами.

— И его противник! Чёрная лошадка турнира! Любимец риска и азарта! Выходец из осколков Лиан-Чжунь! УМА АЛАКТУМ!!!

За минуту до начала финала многие из уже бывших участников «Ню Нова» получили сообщение. Короткое сообщение, что самоуничтожилось в течение минуты. Но после его прочтения многие невольно потянулись проверить на мести ли их оружие...

Когда Ума ступил на настил — трибуны затихли. Может и не сразу, и не одновременно, но приветственные крики поддержки за максимально короткое время показали всю степень

амплитуды. Последними оборвались чьи-то одинокие аплодисменты.

Зрители не понимали, что происходит: на ринге стоял еле живой участник. Из одежды на нём были только окровавленные штаны и тканевая обувь, если не считать бинтов, конечно же. Но и те не сильно помогали: лицо монаха заливала кровь, а с левой руки то и дело стекали алые капли. Юноша даже не шёл, он плёлся полудохлым животным на верную смерть. Шаг за шагом, в тишине, пока не стал перед своим противником.

— Это... должно быть, какая-то шутка, — неуверенно говорит Фин Лехц.

— Заткнись, — и взгляд Умы обжигает оппонента безумством холода, — не порти всё веселье.

— Гхм-гхм, дамы и господа... — начинает комментатор, но наткнувшись на взгляд еле живого участника, тушуетс и решает поскорее с этим закончить, — участники готовы? НАЧАЛИ!

Платформа с заместителем ведущего отлетает куда подальше (или, скорее, повыше), а соперники продолжают оценивать друг друга взглядом.

— Я полагал, что ты хоть свою игрушку используешь, — почёсывая щетину, разочарованно говорит мутант, — так у тебя хотя бы шансы были.

— Не пойми меня неправильно, — кровожадно улыбается монах, — я использую свой меч не по той необходимости, какую ты мог себе вообразить. Ты знаешь, что означает символ на моём клинке?

— Я узнавал — жнец.

— Жнец, да, смешно. И смешно то, что это не выбранное имя для меча. Так меня прозвали задолго до того, как я приблизился к теперешнему уровню силы. «Жнец» — это то, что я не хотел бы показывать никому, сдерживаемое мной и являющееся частью меня же. Мой меч — всего лишь символ, сдерживающий мою жажду. По сути, клинок мне и не нужен, мой дорогой враг...

— Да ты походу головой стукнулся. Очень жаль, конечно, что ты в таком состоянии, ну да ладно: результат всё равно был бы тот же. Может, расскажешь, что с тобой произошло?

— Ох, я решил проверить, насколько силён офицер нобилити, — Ума в экстазе закатывает глаза. Фин Лехц смеётся:

— Ахах, знаешь, полагаю это правда. Думаю, с тобой это и должно было произойти.

— Возможно. Только вот я так и не утолил свою жажду, я был на грани, но так и не стал тем «жнецом», которого когда-то изгнали с родной планеты. И эта жажда просто убивает меня, и здесь я только из-за неё...

— Да ты псих, но мне это нравится. Давай так: если я выиграю этот бой, не убивая тебя — ты присоединишься к моей команде.

— Выгодное предложение, тогда позволь мне извиниться заранее.

— За отказ?

— Нет... Я не смогу победить тебя... — кровь, стекающая по руке, скапливается в ладони монаха, — я не смогу победить тебя не убивая...

И Ума вскидывает руку, швыряя в глаза мутанта свою кровь в намерении ослепить противника.

Фин уклоняется, слегка подавшись вбок, но монах уже рядом, кружится в воздухе, чтобы ударить ногой по шее мутанта.

Шея вздувается невероятным объёмом мышц, гася удар и сводя все старания Умы на нет.

Юноша мягко приземляется перед противником.

Фин Лехц не атакует, он стоит со странным выражением лица.

Зритель не понимает, что происходит.

Монах смотрит на свою окровавленную ладонь.

Мутант падает на колени.

Зритель не понимает, что успело произойти за ту секунду атаки. Этого даже не сразу понял сам Фин, всё что он помнил — хруст и обжигающий холод в груди.

Осознание приходит с пониманием того, на что именно смотрит Ума. Он смотрит не на ладонь, а на то, что его ладонь сжимала: ещё тёплое, судорожно пульсирующее сердце мутанта.

Ужас, отвращение, ненависть, восхищение, боль, радость, слёзы, смех — всё перемешалось, создавая единый поток реакции трибун. Но до того как трибуны успели отреагировать, в одной из комнат ожидания взревел человек с неестественно длинными руками. Младший брат упал на колени, захлёбываясь болью от потери самого дорого для него человека. Лоб касается холодного пола. Холод приводит несчастного в чувства. Лехц-младший отправляет сообщение каждому из знакомых ему участников, находящихся сейчас на станции...

— К... как? — Фин выдавливает из себя булькающий вопрос. Его мутированное тело продолжает жить, не желая признавать невозможное...

Ума наклоняется к противнику, чтобы тот услышал ответ:

— Твой единственный недостаток — твой разум. Твоя самоуверенность не позволяла тебе сражаться в полную силу без необходимости. — Юноша поддерживает умирающего. — Ты был вял, и я вложил все оставшиеся силы в одну смертельную атаку. — Монах вкладывает сердце в руку владельца. — Во время отбора, когда я ударил тебя по шее, я заметил, что ты напряг только спинные мышцы, а грудные не задействовал. Этим я и воспользовался. Тысячекратно отработанным ударом пробил грудную клетку и, разрывая ткани, вырвал твой самый защищённый орган. Я же говорил: не убивая, мне было не победить. Даже мои тренировки не помогли бы... прими это, как величайший комплимент.

Ума понимает, что поддерживает труп. Сознание покинуло Фина вместе с жизнью. Юноша аккуратно кладёт тело на пол и поворачивается к ведущему.

Трибуны молчат.

Комментатор сглатывает подступивший к горлу комок.

— ДАМЫ И ГОСПОДА! ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬ ВАМ ПОБЕДИТЕЛЯ ТУРНИРА «НЮ НОВА», УМУ АЛАКТУМА!!!

Трибуны неуверенно кричат...

— Когда выйдет парад — пустите газ. Возле арены запустите аудио-стимуляторы. Когда охрана рассредоточится, и ангар окажется беззащитен — взломайте защиту под видом хакерской атаки. Во избежание лишних жертв, откройте все пути эвакуации. Энди, тебе найти козлов отпущения, что к концу кризиса будут желательны уже мертвы, и придумай легенду о группировке участников, решивших нарушить правила. Также повесь на них нападение на мою персону. Если что — сам активировать протокол защиты. Отправьте сообщение победителям, что ангар доступен и им лучше бежать. И да, если я их ещё раз увижу, то... ну вы поняли. У нас мало времени — приступайте!

— Вы уверены, мистер Блюс? — спрашивает ребёнок с глазами старика.

— Иначе мы не сможем без подозрений произвести отгрузку... иначе мы не сможем...

И телепат-Энди спешит покинуть кабинет.

Юноша плохо понимал, что происходит. Хотя какой там юноша: уроженец планеты Парк чувствовал себя стариком, каких мало. Ранения породили истощение, перенапряжение привело к переутомлению, а вкупе — к желанию умереть... хотя бы на время.

Тело не слушалось, сознание то и дело отключалось, смысл услышанного доходил с трудом. Но, несмотря на это настроение окружающих-таки дошло и до монаха — тревога, глубокая, не беспричинная тревога.

«Где я? — приходит запоздалая мысль, — ах, это же зал ожидания, конечно».

Ума даже не мог вспомнить, как сюда дошёл. Он помнил, как под гнётом чемпионства плёлся по рингу, как ступил на транспортировочную платформу, и как его подхватили худощавые жёсткие руки. Иначе победитель бы упал: упал бы у всех на виду, ставя под сомнение присвоенный ему чин чемпиона. И за своевременную поддержку юноша был благодарен своему спасителю настолько, что даже думал запомнить-таки имя горе-доктора. Правда затем сознание потухло, и эта мысль навсегда покинула память выходца из Лиан-Чжунь...

Кажется, он снова заснул. И хотя это всё ещё был зал ожидания, людей здесь прибавилось, а напряжение возросло. Ума уловил взгляд незнакомого ему человека, и не сразу вспомнил его имя. Сезаул — участник, его противник в полуфинале. «Что он здесь делает? — мелькает мысль, и уплывает куда-то вдаль, — да какая разница». По комнате метался Док, периодически подбегая к монаху, чтобы проверить пульс и реакцию зрачков. На угловом диване сидел Дурий и, что-то насвистывая, заряжал свой самодельный игломёт. Над кофейным столиком склонился Иола Лемис Григ и внимательно изучал голо-карту станции. А позади него сидел авинец, в непринуждённой манере вращая в руках пистолеты.

Ума закрыл глаза и до него начал доходить шум, отдалённый шум толпы, и только голоса присутствующих были способны заглушить общую совокупность звуков. Просто звуки, просто слова. Но было в них нечто важное, и монах попытался понять, что именно.

— ...теперь он является потенциальной мишенью каждого участника...

— Но он нужен им живым...

— Чего нельзя сказать про нас...

— Если он официально регистрирует нас в синтраж...

— Ты серьёзно? Он свой порт даже активировать не сможет.

— Тогда он бесполезен и другим.

— Они могут рассчитывать на пытки, шантаж, да и не думаю, что их это волнует: главное для каждого — выкрасть победителя. Особенно когда он в таком состоянии.

— Проклятье, волнения усиливаются. Беспорядки уже по всей станции. Скоро любой желающий попытается ворваться сюда, чтобы под шумок получить транзит.

— Необходимо дождаться судей: в их обязанности входит защита участников... — это говорит кто-то рядом, наверно Док, да, точно Док.

— Их дождутся только наши трупы, — ровный и спокойный голос — не способная согреть урийская манера общения.

— Хэх, а чегось мы не сделаем, как в сообщении сказано было то? — вольная речь рахдийца.

— Довериться человеку, который из-за нас оказался на грани смерти? Увольте, сударь, моя паранойя мне этого не позволит.

— Значит, всё-таки будем ждать? Но мне бы не помешали мед. препараты, так что мои слова об ожидания я бы хотел взять назад.

— Ёптить, значит, ждать нельзя, будьма пробиваться с боем!

— Уже думал, и это возможно только с транспортом. Самой большой проблемой является добраться до него и пробиться к лайнеру уже в ангаре. Я проложу маршрут, что минимизирует наши шансы подвергнуться атаке, но как только они поймут, что мы собираемся покинуть станцию — порт отбытия превратится в поле боя.

— Транспорт — не проблема, мы ж захватили этот здрыснутый здравбот. Тот яйцеголовый хантер там до сих пор валяется. Нужно только связаться с ним, чтоб он как можно ближе подогнал корыто...

— Я уже... у нас пять минут...

— Боюсь, у вас их нет, — а этот голос Ума слышит впервые, вероятно, его обладатель не кто иной, как охотник за головами Сезаул, — кто-то уже взламывает дверь.

— Х-холера!

— Уходим. Сейчас. Док, Дурий, берите его, мы с Винсом вас прикроем. Сезаул...

— Я остаюсь.

— Что?

— Я не член вашей группы. Я задержу участников. Главный приоритет — не потерять чемпиона и его транзит. Как выберетесь отсюда — надеюсь, не забудете про наш уговор. Иначе я за вами приду.

Ума чувствует, как его кто-то поднимает с дивана и благо обезболивающим боли при этом он не испытывает.

— Ладно. Вперёд!

Юноша понимает, что его куда-то тащат, пытается открыть глаза, но вместо этого погружается в беспамятство...

Когда монах снова пришёл в сознание, то оказался уже в здравоте. Транспорт мчался над магнитными рельсами, совершенно не заботясь о правилах безопасности. Ввиду количества людей внутри было тесновато. Панели для пациентов были заняты самим незийцем и кроссом. Соответственно рядом, постоянно сверяясь с показателями, находился взъерошенный врач. Из кабины водителя то и дело доносились ругательства Дурия вперемешку с маршрутными указаниями Иолы. А возле приоткрытого дверного проёма, держа на коленях винтовку и как будто к чему-то прислушиваясь, сидел равнодушный авинец.

— Осторожно! Они идут наперехват! — кричит Иола.

— Вашу мышь! Держись! — орёт рахдиец.

И что-то врезается в здравот. Мир переворачивается. Всех подбрасывает к потолку. Слышится скрежет металла.

Ума погружается в темноту...

Его кто-то тащил. Не особо церемонясь, но и не особо спеша. Где-то неподалёку были слышны щелчки выстрелов и свист пуль. Слегка выругавшись, над монахом склонился силуэт:

— Ничего... ничего, всё будет хорошо. Только потерпи.

Рядом оказывается кто-то ещё:

— Капитан, они близко. Придётся дать отпор...

Совсем рядом гремит взрыв, заглушая весь мир и выпуская наружу только животный страх.

Когда звуки возвращаются, Ума слышит топот ног, шарканье и свист пуль.

— Отдайте нам чемпиона! — неприятный голос с акцентом дальних рубежей.

— Ой-ой, как грубо, — а это говорит кто-то из рядом стоявших, — он член нашей команды, и мы не можем его отдать.

— Вы совсем долбанулись что ли? Сами же его только что из здравбота спёрли. Может ещё и

поубивали его компаньонов, а теперь говорите, что он член вашей команды. Думаете, такой наивный подход вынудит его провести вас в синтраж?

— Зеро, два-два-пять! Вперёд!

Бег. Звон. Лязг. Крик. Вокруг сплошной хаос, но застывшая на лице кровь не позволяет монаху открыть глаза. Непослушными пальцами, Ума сдирает крошащуюся корку. Он чувствует, как рядом кто-то падает, булькает, царапает пол.

Звон, крики. Тишина... Тишина обрушилась так же внезапно, как и взрыв. И нарушает её чьё-то тяжёлое дыхание.

— Вот же трухтя, — снова доносится голос с неприятным акцентом, — пришлось же повозиться с этими ублюдками! Ахгх, да и этот победитель хренов еле живой! Эй, Мурчо, отрежь-ка ему ноги, чтоб мы его в чемодан запихнуть смогли!

И вот сейчас Уме действительно стало страшно. Он пытается ещё раз прочистить глаза, но не успевает: что-то происходит.

Чей-то предсмертный вскрик. Чавкающие, рвущиеся, свистящие удары. Что-то падает. Брань и рык. Звон упавшего на землю клинка... Тишина... И только тяжёлое хриплое звероподобное дыхание.

Уме наконец-то удаётся приподняться и разомкнуть веки, только чтобы увидеть перед собой до боли знакомую фигуру полумёртвого кросс-хантера. А вокруг него тела... один, два... Голова становится невыносимо тяжёлой, и юноша проваливается куда-то вглубь себя...

Они куда-то шли, хотя это слишком громкое слово: скорее они были похожи на двух собутельников, в обнимку плетущихся домой.

Ума понимал, что переместились они не так далеко, но за этот период времени он успел несколько раз потерять сознание и прийти в себя. В очередной раз он проснулся, когда Кун бросил его на пол.

— Хватит, — сипло шепчет кросс, — теперь мы квиты...

— Как грубо, — распластавшись на полу, отвечает монах, — но раз ты мне больше ничего не должен, то можно будет тебя и убить. Посмотрим, кто из нас...

Горло подводит хозяина, и юноша вместо слов рождает только хрип. Кун, лишённый сил, медленно опускается на колени и, опираясь на один из своих мечей, застывает, пытаясь собраться с силами.

Плохо. Ума ощущает вибрацию пола — шаги, множество шагов. Шаги — это люди, много людей. Плохо. Монах старается подняться, но выходит не особо и он остаётся в полулежащем состоянии. Только теперь он понимает, что находится в одной из веток транспортных путей станции, и первого участника, ворвавшегося в этот пункт, он никак не хотел сейчас видеть. Это был человек с очень длинными руками. Наёмник, прошедший искусственную мутацию. Брат Фина Лехца.

Ума стонет в попытках пошевелиться, но тело почти не слушается. По всему узлу разносится

воплъ: «Алактум!» И член дуэта «Лехц» огромными прыжками несётся к убийце своего брата.

— Кун! Очнись! — выдавливают из себя юноша, но хантер не отвечает.

Тридцать метров.

— Ты меня слышишь? Соберись!

Двадцать метров.

— Если притворишься статуей, то это тебя не спасёт!

Десять метров. Кун и не думает проявлять признаки жизни. Монах уже может разглядеть ярость на лице мутанта. В транспортировочную ветку вваливается ещё с десятков участников. Кто-то из них стреляет по мстителю: им чемпион нужен живым. Бесполезно: пули огибают Лехца. Длиннорукий совсем рядом. Семь шагов, шесть, пять...

Хлопок. Колено мутанта взрывается алыми лепестками. Наёмник вопит и, хватаясь за простреленное колено, падает на пол.

«Да, на колени ему не везёт...»

Ума ищет взглядом источник выстрела и видит в ста метрах перевёрнутый здоровот. Рядом с ним стояли двое: авинец с залитым кровью лицом, откладывающий в сторону винтовку, и рахдиец с вывихнутой ногой, опирающийся о днище здоровота и держащий игломёт на изготовке.

«Так вот, куда ты меня тащил...»

А в транспортировочном узле появляется всё больше и больше людей. Кун рычит, но таки поднимается и помогает монаху встать.

Участники обрушились лавиной: громкой, стремительной, неудержимой. Обрушились, устраивая бойню между собой и одновременно стараясь добраться до победителя турнира.

Винсент и Дурий обстреливают толпу, замедляя поток человеческих тел, а змей и ягуар плетутся обратно к гнезду. К союзникам. Не спеша, шаг за шагом. Главное — не оглядываться. Хорошо. Вперёд. Ещё немного.

Когда осталось всего ничего, Кун внезапно вздрогнул и осел на пол. Лишившись поддержки, Ума падает вслед за кроссом. Из спины хантера торчат несколько паралич-игл. Змей девяти искусств шипит и продолжает ползти к здоровоту. Над ним свистят иглы и пули, но он этого даже не замечает. Он нужен им живым, и он покажет им себя живого. Уже близко. Уже почти всё.

Пальцы касаются обшивки. Хватаясь за выступы машины, Ума Алактум поднимается и, игнорируя продолжавших стрельбу товарищей, вваливается внутрь мёртвого транспорта. При этом он кого-то задевает, и до него доносится стон доктора.

«Значит живой...»

Автоматически нащупав рукоять, монах вытаскивает из салона свою единственную игрушку. «Жнец» со скрежетом следует за хозяином. Вместо напряжения и усталости в теле юноша чувствует только боль. Боль, возрастающую обратно пропорционально количеству кислорода в

мышцах. Невыносимую, постоянно усиливающуюся боль...

А участники уже слишком близко, чтобы можно было уйти. Окружив здравбот полукругом, они застыли перед еле живым чемпионом. Стрельба и звон металла прекращаются. Ума, пошатываясь, выходит навстречу толпе, принимает широкую стойку, двумя руками сжимает рукоять и закрывает глаза, в любую минуту готовый начать вихрь смерти.

Сколько группировок сюда стеклось? Десять? Двенадцать? Сколько из них осталось в строю: пять, шесть? Человек тридцать-сорок. И все они ждут, забыв о грызне между собой. Никто ни в чём не уверен. Сможет ли монах на самом деле поднять свой меч? Что начнётся, если... хотя нет, что начнётся, знали все, а вот чем закончится всеобщая бойня за транзит, вот этого не знал никто.

Ума делает глубокий вдох. Используй он «жнеца» сейчас, и разрыв мышечных тканей гарантирован. Но он больше ничего не может поделать. Юноша слышит, как за его спиной, выбираясь из разбитого салона, кряхтит потрёпанный докторишка, как авинец и рахдиец перезаряжают свои орудия, слышит голодное дыхание толпы и биение собственного сердца.

«Что ж, вот оно: враги не могут меня убить, а я больше не могу сражаться. Официально я победил их всех. Теперь черёд боя неофициального... Интересно: сколько секунд я продержусь?»

Один из люков в потолке разлетается от взрыва...

В одном из самых дорогих отелей станции «Голден Люкс» на этаже, зарезервированном одним единственным человеком, в единственном заселённом номере растекался смех. Заливистый чистый искренний смех радости — порождение веселья. В этом номере, паря в невесомости и перелетая от экранов к трансляторам, а от них к визионам или голо-проекторам, наслаждался зрелищем человек в белом костюме. Он упивался хаосом происходящего, и в особенности его внимание привлекло столкновение участников в одном из транспортных узлов станции, где против наркотически опьянённой толпы вышел чемпион, неспособный даже самостоятельно стоять. И всё близилось к катастрофе, пока на экране один из эвакуационных люков не взорвался, и в маршрутный узел не влетел мобиль администрации.

Напряжение наблюдателя спало: быть может, не всё ещё было потеряно.

А по комнате безмятежно плыла маска улыбающегося младенца, не прекращая издавать заливистый чистый смех, пока хозяин не схватил её и, надевая, не направился к выходу.

Один из люков в потолке разлетается от взрыва, и, спикировав в лучших традициях столичного кинематографа, на «сцену» врывается мобиль с логотипом администрации «Ню Нова».

Транспорт зависает между теми, кто хочет отобрать и теми, кто хочет защитить. Кабина раскрывается, и оттуда вылетают три силуэта. Три судьи. Три офицера нобилити. Это на время отбивает у толпы желание что-либо предпринимать.

По затихшему узлу разносится жёсткий командный голос самой опасной женщины на станции:

— Забирайтесь внутрь, — и, повинувшись приказу Эмили Травл, к машине спешит компания из

врача-цикианца, технолога-рахдийца и стрелка-авинца, не позабывшая бессознательного аристократа-урийца. Несколько человек из толпы невольно сдвигаются вперёд, но женщина вскидывает руку, и волна жара заставляет их отпрянуть назад.

Не двигается только Ума: он по-прежнему стоит неспособный шевельнуться. К нему подходит здоровяк Дженсо Вэй и, ободряюще сжав плечо, говорит:

— Всё хорошо, можешь идти.

Юноша открывает глаза и отрицательно качает головой, затем переводит взгляд куда-то в толпу: на обездвиженного кросса. Бородатый судья вздыхает и не спеша направляется к хантеру. Участники расступаются, позволяя офицеру взвалить на себя Куна. Дженсо тратит ещё несколько секунд на раздумья, прежде чем подобрать и серповидные мечи охотника. На обратном пути здоровяк без особого труда свободной рукой подхватывает монаха и его меч, чтобы в конечном итоге, подойдя к мобиле, закинуть туда раненых.

Толпа зашевелилась. Люди понимают, что кто бы напротив них не стоял, но численное преимущество на стороне жаждущих. Кристо Чак это замечает и обращается к сидящим в мобиле:

— Убирайтесь отсюда как можно скорее.

— А как же вы? — пробегая пальцами по панели управления, спрашивает Дурий.

— Они сейчас угроза, — в ответ Кристо кивает на толпу из бывших участников, — в наши обязанности входит разбираться с угрозами. К тому же мы все и не помести...

Мобиль срывается с места, не дослушав последних слов спасителя...

Толпа срывается с места, осознав, что добыча уходит...

Последнее, что видят пассажиры сбегающего транспорта, как три человека сопротивляются потоку из человеческих тел. Волны ли разобьются о скалы, или скалы накроет волна?

Эмили вскидывает руку, и люди падают, извиваясь и визжа, пока их кожа вздувается волдырями ожогов.

Дженсо перехватывает брошенное в него копьё и, орудуя им как посохом, разбрасывает набежавших участников.

Кристо швыряет что-то в приближающихся безумцев, и они один за другим падают, с выбитыми глазами и зубами, утратив желание сражаться.

— Думаете, они справятся? — озабоченно спрашивает Док, когда теряет из виду картину происходящего.

Ему никто не отвечает. Оптимизм сегодняшнего дня исчерпал себя ещё в самом начале...

— Ну, вот и всё, — активировав протокол защиты, Блюс Элджейс откидывается на спинку кресла. Пожалуй, самого удобного кресла в мире.

— Надеюсь, по Вам эти события не сильно ударят, — пристально смотря на ведущего

организатора, говорит сидящий на диване ребёнок.

— Боюсь, по Вам события сегодняшнего дня ударят гораздо сильнее. — Организатор мрачнеет, прежде чем продолжить. — Ты их спас. Ты сообщил судьям их местоположение...

Телепат Заа молчит, определяясь с формулировкой ответа:

— Я решил, что они ещё будут мне полезны.

— Вот как? — ведёт бровью Блюс.

— Думаете, что люди, способные сражаться с офицером нобилити на равных, не будут мне полезны?

— Главное, чтобы они не стали тебе угрозой... — советник «Ребелентис» задумчиво смотрит на прозрачную стену, открывающую обзор утихающего жилого сектора, — ох, и придётся же мне поплясать перед советниками станции. А как же ты? Смерть барона лишила тебя власти в союзе. Более того, как бы ваша организация не посчитала меня ответственным за его смерть...

— В союзе существует множество враждующих за власть фракций. А я знаю всех союзников барона. Всё, что мне нужно — произвести утечку о тех, кто вне зоны моей досягаемости и отдать приказ своим людям. Фракция барона будет уничтожена в течение двух дней. Остальные поделят его активы, после чего захотят встретиться с человеком, организовавшим этот гамбит. И я с ними встречусь...

— Страшная вы сила — телепаты. И как мне после всего этого доверять своему секретарю?

— Так же, как и раньше, мистер Блюс. Так же, как и раньше.

— Ума, приди в себя, Ума!

«Чей это противный голос не даёт мне покоя?»

— Просыпайся же!

— Да вколи ты ему адреналина, шо тут цацкаться.

— Не буду я больше ничего колоть.

Монах стонет и медленно открывает глаза.

«Что это за место? Ах да, это же ангар... Таки добрались... Но зачем? Мы что, улетаем?»

— Ума, ты должен активировать свой корабль.

— М-мой корабль? — ничего не понимая переспрашивает незеиц.

— Да, хрен тебя побери! Ты выиграл в турнире, и тебе подарили истребитель в придачу. Открой его, или мы все здесь поляжем!

Ума плохо понимал что происходит, но всё-таки достал из тряпичного ботинка свой портативный z-блок и активировал поиск «прилагающих устройств». Странно, но корабль и

вправду нашёлся: ИУ-100S, стелс-истребитель — порт даже вывел элегантное изображение космолёта.

Монах выбрал команду «активировать» и «открыть». Что-то за спиной юноши зашевелилось — он обернулся, чтобы увидеть раскрывающуюся дверную панель реального корабля. Но насладиться зрелищем не дали: победителя тут же подхватили и потащили внутрь вместе с остальными ранеными товарищами.

Следующее, что Ума осознал, так это что его несут в мед-блок, где растрёпанный Док одного за другим погружал раненых в капсулы восстановления.

— Я в центр управления, — крикнув, сообщает рахдиец и ковыляет куда-то вглубь.

— Твоя нога...

— Переживу, — отмахивается Дурий.

— Поможешь ему? — на этот раз врач обращается к немому авинцу. Тот кивает и идёт за механиком.

Доктор остаётся один на один с пациентами, сканирует повреждения и назначает лечение. Тяжесть невероятного груза оседает у него внутри, и он пытается отвлечь сам себя.

— Ну вот, всё хорошо... почти как и планировали... Будем надеяться: необратимых повреждений нет... Главное, чтобы протоколы защиты ещё не были включены...

Косматый врач без сил сползает по стене, садится на пол и, обхватив голову руками, начинает нервно смеяться.

Ума Алактум в приятных объятиях симбиотического кокона, наконец, погружается в глубокий беспробудный сон...

019

— А теперь-ка, дорогой мой, расскажи ты мне о Флориане Эмбалхе Сюрэме и его учении.

— Нееет, только не опаяять! — ноет вполне обычный мальчишка лет двенадцати от роду. Обычный в своём поведении, с обычной для всех смуглой кожей и раскосыми глазами, с обычной короткой стрижкой и вполне обычным нежеланием что-либо учить и повторять. Единственное, что его отличало в данный момент от жителей Парка — неудобная для сидящего человека поза и виброиглы, коими была утыкана добрая часть его тела.

— Что я тебе говорил? — донёсся непонятно откуда голос учителя, приобретающий нотки строгости. — На каждый урок тела приходится три урока разума. Или ты хочешь прекратить?

— Ну ладно, ладно, — лепечет мальчишка. — Значится так: Флориане Эмбалхе Сюрэме — выдающийся учёный в области... областях... Короче Уриец, живший в позапрошлом веке, получил звание бароноэ в области генетики и степень доктора исторических наук.

— Тааак. — То ли подбодрил, то ли предупредил паузу голос наставника.

— Человек... че... — ребёнок напрягся, пытаясь выдавить из себя заученную наизусть цитату бароноэ-магистра, — человек есть существо слабое и по существу своему дикое, создавшее общество как инструмент необходимый для выживания и сосуществования, но совершенно не

адаптированный к жизни в нём. Фух! Это самое, как его... примитивность, нет, примитивность есть черта, переходящая через поколения и сохраняющаяся вне зависимости от условий жизни социума... ма. Насилие есть и будет неотъемлемой частью в жизни нашего вида, для которого всегда будет находиться причина и оправдание оному. В виду не состояния разума преобладать над эмоциями и инстинктами, человек для удовлетворения своих нужд превращается в силу разрушительную и хаотичную в своём направлении, поглощая без остатка всё, что может причинить ему удовольствие. Таким образом, учёный Совет проекта Веста допустил ошибку в попытках спасти человечество, позволив ему Исход в Космос: рациональней было бы обречь данный вид на вымирание... Не знаю, что там ещё?

— Достаточно неосознанных цитат, расскажи своими словами.

— Ну, Флориане восстановил сводки и обрывки информации различных колоний после объединения и, сопоставивши факты, то есть факты, восстановил приблизительно полную хро... хронологию событий, что подтвердилось единым генетическим кодом всех рас Бездны. Безусловным фактом являлось то, что все существующие расы есть результат переселения с планеты-Истока. Так же он подложил сомнению естественный ход эволюции нашего вида. Более вероятной теорией было искусственное создание или выведение гуманоида для целей схожих с целями создания нами дронов-работников и z-дроидов. То есть, мы были созданы как рабочий класс. Рабы... вот блин, только щас понял. Итак, сочетание животного начала и гена Высшей Расы объясняет несопоставимость наших величайших достижений и дикости нашего поведения. Так или иначе, цивилизация Высшей Расы то ли вымерла, то ли перекочевала, то ли была истреблена нами, что объясняет наше полнейшее заселение Планеты-Истока. Магистр заявил о невозможности воссоздания хронологии всех существующих цивилизаций на основе обрывочных данных и расшифровки генетического кода. Только я вот так и не понимаю, учитель, что такое генетический код?

— Продолжай, потом объясню.

— Мммм. Было доказано, что Планету-Исток заселяло три или четыре различные расы гуманоидов. Урийцы — прямое этому подтверждение. Проблемой стало перенаселение планеты, разрушающее атмосферу низко-технологическое производство, неспособные сократить население до приемлемого количества эпидемии и войны, циклично влекущее за собой всё вышесказанное. Психо-энерго-информационный разрыв предвещал уничтожение планеты и всего человечества... ой! — Мальчик, забывшись, нарушил сидящую позу, и игла в шее причинила тупую боль. Пришлось поправить положение, пока по телу не растеклось привычное тепло.

— Спасением должен был стать проект Веста, возглавляемый ассоциацией учёных, отобравших контроль у некомпетентных властных структур мирными и насильственными способами, заключив союзы с крупнейшими преступными синдикатами и корпорациями, не имеющими деловых отношений с властями крупнейших национальных объединений и государств. После финансового уничтожения конкурентов, Веста перешла к глобальным проектам. Но решить проблему с контролем рождаемости не удалось: ни вакцинации, ни искусственно созданные эпидемии не смогли обеспечить желаемого результата. Восстановление экосистемы проходило слишком медленно, на внедрение передовых технологий в производства не хватало средств. Создание единого языка, валюты, и открытие границ повлекли за собой рост экономических преступлений, неподконтрольных преступному подразделению Весты. Ресурсы планеты истощились, а экспериментальная колония соседней планеты после создания стабильной искусственной атмосферы заявила о своей автономности и нежелании предоставлять ресурсы планете-Истоку. Рационализм Весты превзошёл сам себя: колония была уничтожена вместе с её атмосферой и автономностью. Ха! Ситуация ухудшалась, ассоциация теряла власть,

началась «охота на вест». Но политики, продвигавшие себя за счёт уничтожения представителей Веста, вскоре оказывались мертвы из-за неизвестного штамма вируса. Дело ухудшили природные катаклизмы, что уничтожали искусственные материки. Ассоциации нужно было больше времени. В менее развитых государственных единицах снова пришлось воссоздать ситуацию военного конфликта. Развитие затормаживали, большую половину... то есть часть средств вкладывали в космографию. Запасы пошли в расход... кхе-кхе...

— Что случилось?

— Я пить хочу.

— Потерпишь.

— Эххх... Лаг-шанс окупился: новый прорыв после терра... терраформирования, позволил бы осуществить переселение за пределы звёздной системы Истока. Путешествие в один конец. Был создан список планет пригодных для заселения. Реа-движки могли выдержать только один прыжок, так что перелёт до самой планеты назначения занимал многие годы. Кого посчитали нужным — «упаковали» в криогенные капсулы, остальных оставили умирать. Кораблей было много, потенциальных планет — тоже, так что колонизаторы потеряли контакт друг с другом после прыжка. Кому повезло — погибли, остальные — добрались. Но ни создания искусственной гравитации, ни атмосферы не оказалось достаточно — пришлось адаптироваться. Искусственные мутации, естественные мутации, эволюция во что-то совершенно новое, контроль рождаемости, недостаточно быстрое развитие технологий. Смерти и лишения. Сотни лет создавались автономные цивилизации, знания о планете-Истоке забывались, на замену сохранённым культурным аспектам создавались новые, и люди научились жить и радоваться со всем, что у них есть... как и всегда. Вскоре люди снова вышли в космос, и потерявшие друг друга братья встретились на просторах космозалы... Звёзды, я сейчас расплачусь!

— Не ныть!

— Не жить! Контакт, военные конфликты, попытки наладить торговлю. Обмен технологиями, агрессия, союзы. Одиннадцать систем узнали о существовании друг друга, вызывая как интерес и восхищение, так и боязнь и отвращение. Из тех, кто оставался полноправными гуманоидами, получилось неплохая смесь из альянсов, войн, и предательства, других же пытались не трогать. Более развитые системы пытались силой осчастливить менее удачливых, но всё оказалось не так просто: этим они лишь подстегнули своих жертв к развитию, что со временем привело к всеобщему перемирию (не считая внесистемных и пограничных конфликтов). Вскоре наступил «кризис последствий». Реа-движки первых кораблей поселенцев не были доработаны, так, как теперешние, и как искусственное вмешательство в физику космоса повлекли за собой необратимые последствия. В каждой из одиннадцати систем плотно космоса выворачивалось наизнанку, неспешно и необратимо, создавая червоточины, постепенно всасывающие в себя всё и вся. Учёные предвидели подобную возможность: но кто тогда их слушал. Решение было одно: Второй Исход. И неизвестно, какая система первая обнаружила планету Тетра-Виа, но вскоре о ней узнали все. Наиболее оптимальный вариант для переселения. Пригодная для жизни атмосфера, огромная площадь, и достаточно далёкая от обречённых домов, но достаточно близкая, чтобы до неё можно было добраться. Здесь война была не выход — планету пришлось поделить, заселить и оберегать всем вместе. Расы, не имеющие собственного флота, такие как потоgetы и мутагенты, были эвакуированы, вероятно, с расчётом на их дальнейшую помощь в ожидающейся войне — потомки Весты были прагматичны. Переселение проходило как по учебнику: общее горе объединяло выживших. После стабилизации экономики и расходования имеющихся запасов, пришло время

колонизации соседних звёздных систем. На некоторых планетах были созданы условия для воссоздания и выведения новых видов известных нам животных. Хранители знаний Веста попытались воссоздать проект и провести полную космолизацию, ставя в пример сохранённый результат первого Исхода — схожий для всех язык общения. Но военные трибуны не желали расставаться с положением, что привело к Всеобщей Войне Исхода, длившейся добрую сотню лет. Спас положение новый кризис — учёный, известный как Изгой, для устранения которого потребовалось объединение всех домов Тетра-Виа. Избавление от Изгоя и его последователей, известное как Последняя Война, сделало невозможным продолжение военных действий. Объединённые государственные Дома исхода перестроили разрушенное и создали новое. Проект Веста был возрождён, расы перемешались, но Дома оставили за собой самостоятельное ведение внутренних дел. С тех пор прошло более восьми веков, и процесс космолизации вышел на приемлемый уровень, но, как утверждают специалисты, ещё не завершён. А совокупность звёздных систем, в пределах которых люди способны совершать путешествия без последствий использования реа-движка, получила название Бездна, расширение которой происходит очень медленно. Таки мы живём в поганеньком мире Бездны и всякое такое. Я уже в туалет хочу!

— Хорошо, вынимай эти дурацкие иглы, — разрешает голос учителя, — хватит тебе мучений на сегодня.

— Оооой, — с облегчением закричал мальчишка, вытаскивая виброиглы — а можно, потом к манекенам?

— К манекенам? Нет. Пойдёшь в граврум, будем отрабатывать шаги.

— Нееет, ну за что это мне?

— Хочешь знать причину? Тебе просто не повезло, — хмыкает наставник.

<http://tl.rulate.ru/book/8500/162525>